Государство и общество

Переосмысление теорий этногенеза корейцев в Республике Корея и КНДР в 1960-е годы

© 2017

В.С. Акуленко

В статье рассматривается вопрос переосмысления учеными КНДР и Республики Корея вопроса этногенеза корейцев в 1960-е годы. В этот период сочетание политических и идеологических изменений вместе с наметившимся прогрессом в изучении древнейшего прошлого Кореи привели к формированию тенденций, которые играют важнейшую роль в понимании учеными двух стран процесса этногенеза корейцев. В КНДР приступили к «чучхеизации» Древней истории, приведшей к формированию автохтонной теории этногенеза корейцев, в то время как в РК сделали ставку на междисциплинарный подход, позволивший сформировать теорию о миграционном характере этногенеза корейцев на полиэтничной основе.

Ключевые слова: теории этногенеза корейцев, автохтонная теория этногенеза корейцев, миграционная теория этногенеза корейцев, «чучхеизация» истории.

1960-е годы являются переломным моментом в изучении теорий этногенеза корейцев в КНДР и РК. В обоих государствах в этот период происходят значительные идеологические и политические изменения: в КНДР устанавливается режим личной власти Ким Ир Сена и начинается формирование идеологии чучхе, в РК к власти приходит Пак Чон Хи, также установивший диктаторский тип правления и сформировавший свою тоталитарную националистическую идеологию. Оба режима используют историю не только в качестве идеологического инструмента в деле воспитания подрастающего поколения, но и как мягкую силу в отношении зарубежных соотечественников.

Одновременно с этим ученые РК и КНДР делают ряд замечательных открытий в области археологии, начинают использовать в своих исследованиях данные физической антропологии, сравнительно-исторического языкознания и других наук.

Все это приводит к переосмыслению теорий происхождения корейцев, сформированных в предыдущий период. Именно в 1960-е годы начинается постепенное расхождение северокорейских и южнокорейских взглядов на процесс формирования корейцев. В связи с этим изучение теорий этногенеза, сформированных в данный период в РК и КНДР, позволяет пролить свет на процесс, приведший в итоге к появлению двух диа-

метрально противоположных взглядов на этногенез корейцев, бытующих сейчас в КНДР и РК.

Данный вопрос практически не исследуется ни в России, ни за рубежом. Между тем его пристальное изучение может помочь сблизить в будущем позиции двух исторических школ, что является одной из важных задач для преодоления раскола между Севером и Югом.

Начало «чучхеизации» этногенеза корейцев в КНДР

Конец 1950-х годов является одним из поворотных пунктов в истории КНДР. Именно в это время начинает набирать обороты «чучхеизация» северокорейского общества и отход от советских и китайских методов. Одновременно в официальной идеологии КНДР начинает проявляться крен в сторону национализма. По мнению Хобсбаума, многие марксистские государства всегда тяготели к превращению в национальные не только по форме, но и по содержанию¹. А в начале 1960-х годов «интерес к истории» проявил Ким Чен Ир, который в середине октября 1960 г.² подверг резкой критике своего преподавателя истории за «догматизм» и вскоре выступил перед аудиторией с докладом «О пересмотре вопроса объединения Трех государств»³.

Более того, для пересмотра, по крайней мере, Древней истории Кореи и теории этногенеза корейцев сложились и объективные предпосылки, связанные с прогрессом северокорейской археологии. Открытия, сделанные северокорейскими учеными в рассматриваемый период, начали формировать доказательную базу автохтонной теории этногенеза.

Кроме того, с начала 1960-х годов идет пересмотр понимания и центрального для формирования в Корее теорий этногенеза термина «минчжок»⁴. До начала 60-х северокорейские ученые толковали «минчжок» в соответствии со сталинским определением нации, что накладывало на его использование определенные временные рамки. Поэтому для феодальной формации пользовались отдельным термином «чунминчжок»⁵, который является эквивалентом советского термина «народность». Северокорейские ученые нередко использовали советские термины в корейской транскрипции. Однако уже в изданной в 1962 г. второй редакции «Общей истории Кореи»⁶ вместо термина «чунминчжок» повсеместно используется термин «инмин»⁷. А 3 января 1964 г. в беседе с филологами Ким Ир Сен впервые указывает на важность языка в формировании «минчжок»⁸. В этом можно увидеть постепенное начало отказа от данного Сталиным определения нации. При этом отказ от советского опыта в данном случае, возможно, был продиктован не только идеологическими соображениями, как указывают южнокорейские авторы⁹, но и практическими соображениями, так как сталинское определение нации не совсем подходило для корейского термина «минчжок», активно использовавшегося для построения теорий этногенеза.

Таким образом, изменения в политической и идеологической системе КНДР на рубеже 1950-х и 1960-х годов, наряду с новым пониманием термина «минчжок» и прогрессом северокорейской археологии, приводят к тому, что в новой редакции «Общей истории Кореи», которая выходит из печати в 1962 г., версия этногенеза корейцев довольно сильно отличается от той, которая была описана всего за 6 лет до этого, в первой редакции книги¹⁰.

Благодаря новым открытиям северокорейских археологов фактическая основа исторических сочинений становится более разнообразной, что позволяет по-новому взглянуть и на процесс этногенеза, отодвинуть его границы дальше в прошлое. В 1960-х годах северокорейскими учеными были обнаружены первые палеолитические стоянки на территории КНДР. Это, прежде всего, стоянка Кульпхори, обнаруженная еще в 1963 г. в уезде Унги пров. Северная Хамгён, где были найдены орудия эпохи среднего палеолита возрастом около 100 тыс. лет, а также легендарная пещерная стоянка Комынмору, откры-

тая в 1966 г. в уезде Санвон города Пхеньян, возраст которой тогда оценивался в 400–500 тыс. лет¹¹.

Тем не менее эти находки не сразу стали базой для пересмотра теорий этногенеза корейцев, хотя в исторических сочинениях рассматриваемого периода палеолитические жители уже называются «предками»¹².

Большее внимание уделяется периоду неолита, который был уже довольно хорошо изучен. Время его появления определяется как V–IV тыс. до н.э.¹³ Северокорейские ученые проводят сравнение кунсанской неолитической культуры, наиболее подробно изученной в тот период по материалам раскопок стоянки Кунсан (уезд Ончхон, пров. Южная Пхёнан), с неолитическими культурами соседних регионов Азии. К примеру, указывается на большую схожесть узоров керамики кунсанской культуры и неолитических культур долины р. Енисей и Байкальского региона¹⁴, а также на некоторые различия керамических традиций кунсанской культуры и неолитической культуры северо-восточной части Кореи, которую объединяют с культурой южной части Приморья¹⁵. В частности, обращается внимание на различные типы дна сосудов: в северо-западной части Кореи они острые или закругленные, а в северо-восточной — плоские. Есть упоминания и об обнаружении более ранней неорнаментированной догребенчатой керамики¹⁶.

Одновременно с этим, в результате анализа каменных изделий, обнаруженных в северо-восточной части Кореи, северокорейские ученые делают вывод о возможном непрерывном развитии неолитической культуры этого региона начиная с палеолита¹⁷. То есть в 1960-е годы начинает формироваться представление об этногенезе корейцев как об автохтонном процессе, который начался еще в период палеолита.

Тем не менее в 60-е годы северокорейские ученые считают непосредственными предками корейцев племена е, мэк и хан, которые, по их мнению, имели одинаковые языки и обычаи, а также издревле занимались земледелием. Эти племена сформировали первые государственные образования корейцев: е основали государство Древний Чосон, мэк — Пуё и Мэккук (или Корирук), а хан — Чингук. География распространения древних корейских племен включает в себя не только Корейский полуостров, но и широкие просторы Северо-Восточного Китая. Временем формирования племен считается II тыс. до н.э., а причиной их возникновения — усложнение социально-экономической жизни и давление со стороны ближайших соседей¹⁸.

Заслуживает внимания трактовка этнической истории этого периода, данная выдающимся северокорейским историком Ли Чжи Рином. Он предполагал, что корейские племена — е, мэк и хан, сложились уже к I тыс. до н.э., однако до них на побережье Желтого моря и Бохайского залива обитало племя чои, поглощенное в результате миграции с севера племен е и мэк¹⁹. Следы существования данного племени он нашел не только в китайских летописях, но и в некоторых элементах культуры племен хан. К примеру, в мифе о рождении из яйца или обычае приделывать крылья усопшим у племен чинхан²⁰. По его мнению, хан сложились в ходе смешения племен е и местных жителей — чои²¹. Кроме того, Ли Чжи Рин предположил, что сушени китайских летописей также являлись и чосонцами, а их предками были все те же чои, смешавшиеся с е²².

Интересным фактом с точки зрения интерпретации этногенетических процессов является признание переселения на Корейский полуостров значительного количества китайских беженцев в период Борющихся царств (V в. до н.э. — 221 г. н.э.), что подтверждается многочисленными археологическими находками. Однако северокорейские авторы тут же делают важную оговорку — это переселение никак не связано с началом использования корейцами железа²³. В этом утверждении можно обнаружить начавшуюся «чужезизацию» Древней истории Кореи, выражающуюся в стремлении доказать отсутствие иностранного влияния (либо показать его незначительность) на формирование корейского народа, развитие его культуры и государственности.

На примере легенд о Кичжа и Ви Мане также отчетливо прослеживается данная тенденция. Легенда о пришествии китайского вельможи Киджа на восток была отвергнута как несостоятельная еще в начале 1960-х.²⁴ Для ее развенчания в июне 1961 г. даже собирали симпозиум, на котором 8 из 10 дискуссантов высказались в пользу ее несостоятельности²⁵. А этническая принадлежность Ви Мана однозначно определяется северокорейскими учеными, как еская²⁶.

Тем не менее полностью отказаться от присутствия иностранного влияния на этногенез корейцев северокорейским ученым тогда не удалось, так как бесспорным историческим фактом, который имеет и материальное подтверждение в виде археологических памятников, является существование на территории Кореи после падения Древнего Чосона китайских округов. Однако в связи с тем, что северокорейская наука рассматривает борьбу корейского народа с внутренними и внешними врагами в качестве двигателя корейской истории, борьба с китайскими захватчиками играет важную роль в этногенезе корейцев, так как способствует формированию новых центров притяжения корейских племен. Одним из таких центров освободительного движения становится р. Тэдонган. Борьба древних чосонцев против китайских захватчиков привела к постепенному освобождению территории Кореи от последних²⁷.

Указание на бассейн р. Тэдонган как на центр освободительной борьбы древних корейцев является отнюдь не случайным, так как в 1960-е годы начинает проявлять себя еще одна тенденция в построении теории этногенеза корейцев — североцентризм. Обоострение идеологической борьбы между РК и КНДР приводит к соревнованию между историками двух стран за вклад Севера и Юга Кореи в формирование и развитие корейского народа, его государственности и культуры. Поэтому неудивительно, что наибольшее внимание северокорейские ученые уделяют племени когурё, которое описываются как одна из ветвей племен мэ, которая уже во II в. до н.э. вела обособленную жизнь в горных районах на границе Кореи и Маньчжурии²⁸.

Формирование и становление новых центров этногенеза корейцев не проходило бесследно для этнической истории полуострова. Северокорейские ученые отмечают, что общность языков племен, которые являлись предками современных корейцев, еще более усиливается после образования государств Когурё, Пэкче и Силла. Сближение языков способствовало большему взаимопониманию между народами полуострова²⁹. Указывают северокорейские ученые и на формирование прочных культурных связей между тремя корейскими государствами³⁰.

К сожалению, в 60-е годы, в отличие от предшествующего периода, вопрос формирования корейской народности в научных работах отдельно не рассматривается. Однако перемены, произошедшие в понимании процесса появления первого единого корейского государства, позволяют предположить, что момент завершения формирования корейской народности также переместился ближе к настоящему. В начале 60-х результат войн за гегемонию на Корейском полуострове между Когурё, Пэкче и Силла стало принято называть «объединением южной части территории государства»³¹, так как на севере разбитые китайцами когурёсцы основывают новое государство — Бохай³². Таким способом северокорейские ученые стремились подчеркнуть незавершенный характер объединения Кореи. Кроме того, как уже было сказано выше, интерес к этому вопросу проявил и молодой Ким Чен Ир.

Возможно, поэтому с начала 1960-х формируется идея о периоде Северного и Южного государства, или Северной и Южной династии, в истории Кореи³³. К примеру, Пак Си Хён указывает, что Силла и Бохай называли друг друга таким образом, подчеркивая тем самым ненормальность сложившейся ситуации и необходимость объединения двух братских народов³⁴. Формирование такой идеи, возможно, является трансляцией современной политической ситуации на Корейском полуострове на историческое прошлое, а также попыткой отказать «южному» государству Силла в праве называться первым

объединителем Кореи. Корё, возникшее как преемник Когурё, выглядит в этом смысле гораздо привлекательнее для северокорейских ученых, так как не ломает формирующуюся концепцию о вечном превосходстве Севера над Югом.

Подводя итоги, можно сказать, что в 1960-е годы под влиянием идеологических и политических изменений, а также новых археологических открытий в КНДР начинает формироваться новая теория этногенеза корейцев. «Чучхеизация» истории рождает тенденцию на определение этногенеза корейцев как автохтонного процесса, происходившего в Корее и в северо-восточной части Китая, возможно, с периода палеолита. Более того, северокорейские ученые стараются «избавить» корейскую историю от иностранного влияния, что приводит к отрицанию значительного влияния Китая и других стран и народов на формирование культуры и государственности на Корейском полуострове. Идеологическое противостояние Севера и Юга рождает еще одну тенденцию, которую мы условно обозначили как «североцентризм», в описании истории Кореи и этногенеза корейцев. В результате, несмотря на признание важной роли силланской культуры и языка в формировании общекорейской культуры и языка, завершение процесса этногенеза откладывается до создания государства Корё. Кроме того, начинает подчеркиваться выдающаяся роль когурёсцев и их преемников бохайцев в развитии корейской культуры и государственности, а также важность воссоединения родственных народов Корё и Бохая после падения последнего. Данный факт представляется как «особый случай в мировой истории феодальных обществ»³⁵.

Концепции этногенеза корейцев в РК в 1960-е годы

С началом 1960-х, после прихода к власти Пак Чон Хи, в стране начался новый период, связанный с бурным ростом экономики, с одной стороны, и ограничением гражданских свобод — с другой. Основой идеологии нового режима становится теория «национальной демократии», одной из основ которой была концепция «чучхесон» (идеология национального субъективизма), согласно которой любое событие в истории Кореи оценивалось с учетом проявления в нем «национального сознания» и «национальной самобытности». Концепция предполагала следование традиционным корейским духовным и политическим установкам, характерным для государства Силла³⁶.

Такая идеологизация истории страны стимулировала южнокорейских историков к более подробному и обстоятельному изучению происхождения корейцев, а власти — к лучшему финансированию таких исследований. В результате в изучении вопроса этногенеза корейцев появились новые работы и идеи. Стали активно применяться достижения физической антропологии, этнологии, археологии, лингвистики и других наук.

Основываясь на данных физической антропологии, этногенез корейцев исследовал На Сэ Чжин. Одна из первых его работ была посвящена измерению размеров зубов корейцев и их сравнению с зубами европейцев, американцев, австралийцев и японцев. В ней он на фактическом материале показал, что по строению зубов корейцы условно располагаются между японцами и европейцами³⁷.

В другой своей работе он представил более широкий набор данных о корейцах и окружающих народах. Главный вывод, который он делает, заключается в том, что антропологические особенности корейцев, сформировавшиеся в древности и сохранившиеся до сих пор благодаря изолированности этноса на полуострове, выделяют их среди прочих народов Дальнего Востока и делают больше всего похожими на европейцев³⁸.

Соглашаясь с западными исследователями в том, что корейцы принадлежат к более широкой группе алтайских народов (северных народов), он, однако, указывает, что с точки зрения антропологии корейцы все же от них отличаются³⁹. Кроме того, он согласен и с возможным участием в этногенезе корейцев народов, принадлежащих к южным культурам полинезийского происхождения⁴⁰. В целом, На Сэ Чжин придерживается мне-

ния об участии двух—трех компонентов в этногенезе корейцев. Сформировавшийся таким образом этнос сохранился, по его мнению, практически в неизменном виде, образовав изолированный генофонд⁴¹. Главный его вывод заключается в том, что корейцы — это гомогенный народ с пяти тысячелетней историей⁴².

Важнейшей вехой в развитии теорий этногенеза корейцев становятся исследования южнокорейского археолога Ким Вон Рёна. Пожалуй, главным его достижениями в 1960-е годы можно считать введение в научный оборот сведений, содержащихся в «Самгук саги»⁴³, о ранней истории Трех государств⁴⁴, что позволило заполнить многие лакуны в понимании процесса формирования ранней государственности на Корейском полуострове, а также получить дополнительные сведения об этногенезе корейцев. Он также предсказал скорое обнаружение палеолитической культуры в Корее, основывая свои предположения на сообщениях японских археологов, а также обращая внимание на уже обнаруженные палеолитические стоянки в Северном Китае и на севере японского острова Кюсю⁴⁵.

Неолитическую культуру полуострова Ким Вон Рён однозначно связывает с сибирскими андроновской и афанасьевской культурами и, в более широком смысле, с поясом распространения культур гребенчатой керамики — от Японии до Северной Европы. Он считает, что неолитический период в Корее стоит отождествлять именно с этим видом керамики, и делает предположение, что время ее проникновения можно определить примерно II—III тыс. до н.э.⁴⁶

Ким Вон Рён выделяет два пути проникновения носителей культуры гребенчатой керамики на Корейский полуостров:

1. через Монголию и Маньчжурию вдоль побережья Жёлтого моря.
2. Вдоль р. Амур на юг, через Приморский край, вдоль побережья Японского моря.

По первому пути, по его мнению, шла первая, более ранняя, волна переселенцев, так как в керамике, дошедшей до нас, видны классические черты гребенчатой керамики. По второму пути переселенцы пришли позже и принесли с собой, в том числе, и элементы культуры аборигенов Приморского края⁴⁷.

Для следующего за неолитом периода палеометалла Ким Вон Рён разработал свою периодизацию. Наиболее ранний, Бронзовый век — 1, он связывает с тагарской культурой Сибири. Одним из его ведущих признаков становится характерная волчкообразная неорнаментированная керамика. Говорит он и о прослеживающейся по артефактам связи данной культуры с китайской луншаньской археологической культурой, чей ареал распространения совершенно точно доходил на востоке до Ляодунского полуострова⁴⁸.

Бронзовый век — 2 он связывает с очередным переселением из Сибири, так как в это время появляются характерные для андроновской и карасуковской культур типы погребений⁴⁹. Одновременно этот период Ким Вон Рён называет Железным веком — 1, что связано с крупномасштабным переселением носителей культуры железа из Китая в период Борющихся царств (V в. до н.э. — 221 г. н.э.). Характерными артефактами нового периода становятся знаменитые кинжалы «се», бронзовые монеты, новые виды могильников и керамики. В этот период население Корейского полуострова знакомится с технологией обработки железа⁵⁰.

Наступление следующего периода Ким Вон Рён связывает с падением Древнего Чосона и созданием округа Лолан. В этот период в Корею проникает передовая китайская культура, одновременно с этим беженцы из Древнего Чосона разносят по всему полуострову технологию обработки металла. Этот период он называет Железный век — 2⁵¹.

На основе анализа могильников и материальной культуры северо-западной части Кореи Ким Вон Рён приходит к выводу о большом влиянии, оказанном китайцами на развитие корейцев в этом регионе, да и в Корее в целом⁵². Таким образом, в работах Ким Вон Рёна на основе археологических данных убедительно показано значительное

влияние миграций из Сибири, Алтая и Северного Китая на становление древних корейских государств, а, значит, и на этногенез корейцев.

Исследования этногенеза корейцев были бы неполными без внимательного изучения вопроса происхождения корейского языка. Вопрос его формирования поднимает в своей работе Ли Ги Мун. В своем исследовании он проводит сравнение корейского языка с языками алтайской языковой семьи и японским языком, а также отдельно рассматривает языки пуё, когурё, силла и средневековый корейский язык.

В результате проделанных исследований он приходит к выводу, что современное состояние изучения алтайской языковой семьи делает сложным определение места в ней корейского языка, хотя родственные связи явно прослеживаются. По его мнению, к группе алтайских языков могут быть также отнесены и языки племен пуё и хан. В то же время отнесение японского языка к пуёскому, по его мнению, являлось преждевременным. Кроме того, своим исследованием Ли Ги Мун показал, что силланский язык оказал решающее влияние на становление средневекового корейского языка⁵³.

Несмотря на попытки в прошлом рассмотреть этногенез корейцев с точки зрения целого ряда наук, именно в 1960-е годы благодаря развитию в Южной Корее антропологии, лингвистики, этнографии и археологии становится возможным полноценно реализовать данное намерение. Одной из основополагающих работ в этом направлении является исследование Ким Чон Хака. В своей работе он, прежде всего, подвергает сомнению утверждение Широкогорова о том, что корейцы являются потомками палеоазиатов, вытесненных на полуостров тунгусо-маньчжурами⁵⁴. К палеоазиатам Ким Чон Хак относит чукчей, коряков, камчадалов, айнов и эскимосов, но не корейцев⁵⁵.

Рассматривая этногенез корейцев с точки зрения археологии, Ким Чон Хак выделяет две мощные культурные волны в период неолита. Одна протянулась через Маньчжурию на полуостров из Северного Китая, а вторая, также через Маньчжурию, идет на полуостров из Сибири. По его мнению, две эти северные волны сформировали облик населения Кореи в период неолита⁵⁶. Особо Ким Чон Хак подчеркивал тот факт, что во время неолита произошел не импорт культуры извне, а крупномасштабное переселение ее носителей, так как вместе с керамикой приходят определенные типы каменных орудий, новый жизненный уклад и, конечно, могильные комплексы⁵⁷. Упоминает он и об обнаружении артефактов некоего «южного типа», к примеру, особого вида каменных топоров, которые могут с ней ассоциироваться⁵⁸.

Следующее крупное переселение из Маньчжурии и Северного Китая Ким Чон Хак ассоциирует с проникновением культуры бронзового века. Несмотря на северный путь ее проникновения, он не исключает присутствие в ней элементов культур южного происхождения, так как в Китае население уже с доисторических времен было неоднородным и постоянно перемешивалось.

Особое место в работе Ким Чон Хака занимают данные лингвистики. На их основе он показывает, что корейский язык с большой долей вероятности должен быть отнесен к алтайской языковой семье, хотя у него есть и ряд особенностей — фонетических и лексических, указывающих на присутствие в этногенезе корейцев некоего южного элемента, возможно, малайско-полинезийского происхождения⁵⁹.

Анализируя этногенез корейцев с точки зрения этнографии, Ким Чон Хак в первую очередь обращается к легендам. По его мнению, содержание мифа о Тангуне, Пак Хёккосе и Ким Суро явно указывает на их связь с севером, так как почитание медведя в качестве тотема и солярный культ, а именно их влияние он здесь видит, весьма широко распространены у алтайских народов⁶⁰. Другие элементы корейской культуры также, по его мнению, были принесены корейцами из древней прародины — Алтая. Это, прежде всего, анимизм и шаманизм, характерный для всех народов северной части Евразии, а также белый цвет одежды и вообще весь корейский традиционный костюм⁶¹. Южное влияние Ким Чон Хак видит в появлении культуры заливного рисосеяния, проникшей

на полуостров на рубеже бронзового и железного веков из Южного Китая⁶², а также культуры татуировки у племен махан и чинхан⁶³.

Однако есть и некоторые этнографические элементы, которые Ким Чон Хак затруднялся отнести к какому-то определенному элементу этногенеза. Например, деформация черепа детей, которая практиковалась у чинхан и о которой сообщают китайские хронисты⁶⁴.

Рассматривает в своем исследовании Ким Чон Хак и данные физической антропологии. По его мнению, основные особенности тела современных корейцев сближают их с тунгусо-маньчжурами и монголами⁶⁵.

Сам процесс этногенеза Ким Чон Хак описывает, исходя из данных письменных источников. Одним из первых этнонимов, относящихся к протокорейцам, он считает «тон-и» или «и». По мнению Ким Чон Хака, в период неолита эти племена, принадлежащие к более широкой группе алтайских племен, пришли в регион, дойдя до северо-восточной части Китая. Он отмечает, что в китайских летописях часть этих племен действует на Шаньдунском полуострове и в его окрестностях, сражаясь с древними китайцами. Другая их часть расселяется по Маньчжурии и далее на северо-восток, а также на Корейском полуострове⁶⁶. Он четко отделяет племена сушеней, уцзи и мохэ, проживавших на северо-востоке Маньчжурии, от протокорейцев, считая их древними тунгусскими племенами, от которых протокорейцы отделились и существовали обособленно⁶⁷.

Несмотря на путаницу в китайских летописях, по-разному называющих племена, проживающие в средней и южной части Маньчжурии, а также северной и средней частях Кореи — е, мэк или емэк, Ким Чон Хак считает, что речь идет об одном племени, самоназвание которого было «свебальк», что и было записано позднее иероглифами как «емэк». К этой группе племен он также относил когурё, пуё и окчо. Позднее все эти племена были объединены в рамках одного государственного образования — Когурё⁶⁸.

Самоназвание другой крупной группы протокорейских племен — хан — он связывает с корейским словом «кхыда» (большой). Это самоназвание, по его мнению, сохранилось во многих топонимах региона и связано с алтайским словом [khan], [kan], [han]. Их этническую принадлежность он определяет как алтайскую с незначительной долей полинезийцев⁶⁹.

Еще одной важной тенденцией в 1960-е годы становится вывод вопроса этногенеза из проблематики становления государственности на Корейском полуострове. Ким Чон Хак настаивает на том, что появление единого государства не является непременным условием для формирования народа. Куда большее значение, по его мнению, играет формирование культуры. Он предполагает возможность формирования корейцев еще в I тыс. до н.э., после чего они разделились на ряд родственных племен — е, мэк и хан, основавших свои государственные образования⁷⁰.

Таким образом, в 1960-е годы в РК происходит важное переосмысление вопроса происхождения корейцев и ранних этапов этногенеза. Появляется новый взгляд на момент завершения процесса этногенеза, который стал возможен благодаря выводу вопроса этногенеза из проблематики становления государственности. Изучение этногенеза с использованием данных физической антропологии, сравнительно-исторического языкознания, археологии, этнографии и их сочетания дали потрясающий результат, позволивший обнаружить присутствие в этногенезе корейцев некоего «южного» элемента, возможно, малайско-полинезийского происхождения. Убедительно была подтверждена и существующая с древности связь с Алтайским регионом, Сибирью и Северным Китаем, момент завершения формирования корейцев был отодвинут до I тыс. до н.э.

Выводы

Таким образом, 1960-е годы стали важным этапом и поворотным пунктом в развитии теорий этногенеза в РК и КНДР, так как между теориями этногенеза двух стран наметился раскол, основы которого лежали в политической и идеологической плоскости. Именно политика и идеология в значительной степени повлияли не только на рост интереса к данной теме, но и на интерпретацию фактического материала, добытого учеными двух стран.

В РК окончательно утвердилась теория миграционного и многокомпонентного этногенеза корейцев. Корейский полуостров и Южная Маньчжурия виделись южнокорейским ученым как «плави́льный котел», в котором в ходе нескольких волн переселения — как с севера, так и с юга, к началу н.э. сформировалась общность родственных племен, создавших ряд государственных образований, которые затем были объединены под властью государства Силла. При этом часть южнокорейских ученых допускает формирование корейцев как единого народа еще в I тыс. до н.э.

Таких результатов южнокорейские ученые смогли добиться благодаря изучению Древней истории Кореи с позиций археологии, физической антропологии, сравнительно-исторического языкознания, этнографии, источниковедения, а также междисциплинарным исследованиям, сочетавшим в себе достижения всех этих наук. Кроме того, прогресс в изучении Древней истории Кореи был бы невозможен без пристального внимания к данной теме со стороны правительства страны.

В КНДР в этот период начинает формироваться идея об автохтонном характере этногенеза корейцев, а также об исключительной важности северной части Кореи для хода исторического развития Кореи и этногенеза корейского народа. Постепенная «чучхеизация» корейской истории приводит к утверждению идеи об отсутствии позитивного влияния на формирование и развитие корейского народа, его культуры и государственности со стороны окружающих народов и государств.

В результате этногенез корейцев в КНДР в данный период представлялся как процесс объединения родственных по происхождению племен, обособлено проживавших в Корее и соседних регионах начиная с периода неолита, а, возможно, и палеолита. Завершается процесс этногенеза, по мнению северо-корейских ученых, в X веке после создания государства Корё и воссоединения бохайцев — потомков когурёсцев с единокровными корёскими братьями.

В последующие годы южнокорейские и северо-корейские ученые продолжили изучать этногенез корейцев под влиянием сформировавшихся в 1960-е годы тенденций. В итоге в РК утвердилась теория о преимущественно алтайском происхождении корейцев, а в КНДР — о происхождении от коренных жителей Корейского полуострова, где главным эволюционным центром представляется долина реки Тэдонган.

1. *Hobsbawm Eric*. Some Reflectionson «The Break-up of Britain». URL: <https://newleftreview.org/1/105/eric-hobsbawm-some-reflections-on-the-break-up-of-britain>.
2. Чольсэый виин Ким Чон Иль тончжи: [Несравненный герой товарищ Ким Чен Ир]. URL: <http://ournation-school.com/index.php?menu=lecture&cno=119&id=180>.
3. *Асмолов К.В.* Корейская политическая культура: традиции и трансформация. М.: ИДВ РАН, 2005. С. 187.
4. Термин «минжжок» может быть переведен как нация, народ, этнос.
5. Термин «чунминжжок» переводится на русский язык как народность.
6. Чосон тхонса (сан): [Общая история Кореи (том первый)]. Пхеньян: Квахаквончхульпханса, 1962. 849 с.
7. Термин «инмин» переводится на русский язык как народ.

8. Чхольхак сачжон: [Философский словарь]. Пхеньян: Сахвеквахакчхульпханса, 1970. С. 256.
9. *Ким Тхэ У.* Пухханный Сталин минчжогирон туёнхва итхаль квачжон: [Процесс применения и отказа от сталинской теории нации в КНДР] // Ёксава хёнсыл: [История и действительность]. Сеул, 2002. № 44. С. 261.
10. Чосон тхонса (сан): [Общая история Кореи (том первый)]. Пхеньян: Квахаквончхульпханса, 1958. 536 с.
11. Санвон комынморуужжок пальгильчунганпогосо: [Промежуточный отчет о раскопках памятника Комынмору в Санвон] // Кокоминсоннонмунчип: [Сборник статей по археологии и этнографии]. Пхеньян, 1969. № 1. С. 29.
12. *Ким Ю Бан.* Чогук рёксаый ачхим: [Утро отечественной истории]. Пхеньян: Кунчжунмунхвачхульпханса, 1966. С. 9–10.
13. Чосон рёкса: [История Кореи]. Токио: Хагусобан, 1963. С. 12–14; *То Ю Хо, Ким Ён Нам.* Ури нара кусокки сидэва ирын синсокки сидэый нёндронэ тэхаё: [О периодизации палеолита и раннего неолита нашей страны] // Рёкса квахак: [Историческая наука]. Пхеньян. 1964. № 4. С. 57–59.
14. Чосон тхонса (сан), 1962. С. 9.
15. Там же. С. 12–14.
16. *То Ю Хо, Ким Ён Нам.* Указ. соч. С. 59.
17. Чосон тхонса (сан), 1962. С. 13.
18. Чосон рёкса. С. 18.
19. *Ли Чжи Рин.* Кочосон ёнгу: [Исследование Древнего Чосона]. Пхеньян: Квахаквончхульпханса, 1964. С. 391.
20. Там же. С. 108–110.
21. Там же. С. 277–278.
22. Там же. С. 210.
23. Чосон тхонса (сан), 1962. С. 35; *Ким Ён Нам.* Ури нара кымсокмунхваый кивонэ тэхаё: [О происхождении культуры металла нашей страны] // Рёкса квахак: [Историческая наука]. Пхеньян. 1961. № 5. С. 50–56.
24. *Ли Чжирин.* Указ. соч. С. 124–136; *То Ю Хо.* Кочосон мунхваэ тэхаё: [О культуре Древнего Чосона] // Рёкса квахак: [Историческая наука]. Пхеньян. 1961. № 5. С. 41–49; *Хон Хви Ю, Кан Сок Чун.* Сови «Кичжа тоннэсоль»э тэхан пипхан: [Критика так называемой «Теории о пришествии Кичжа на Восток»] // Рёкса квахак: [Историческая наука]. Пхеньян. 1961. № 4. С. 1–19.
25. Сови «Кичжа тоннэсоль»ый хохвансонэ тэхан квахакторонхве: [Симпозиум о неправдоподобности так называемой «Теории о пришествии Кичжа на Восток»] // Рёкса квахак: [Историческая наука]. Пхеньян, 1961. № 5. С. 19.
26. Чосон рёкса, С. 32–33; *То Ю Хо.* Указ. соч. С. 49.
27. Чосон рёкса. С. 35–36.
28. Чосон тхонса (сан), 1962. С. 73.
29. Там же. С. 125.
30. Там же. С. 142–151.
31. Там же. С. 153.
32. *Пак Си Хён.* Пархэ ёнгурыль вихаё: [Ради исследования истории Бохая] // Рёкса квахак: [Историческая наука]. Пхеньян. 1962. № 1. С. 8–9.
33. Чосон рёкса. С. 105.
34. *Пак Си Хён.* Указ. соч. С. 10.
35. Там же. С. 246–247; *Пак Си Хён.* Указ. соч. С. 29.
36. *Ермолаева Е.М.* Формирование и развитие идеологии периода авторитарных режимов в Южной Корее (1948–1987 гг.): автореф. дис. канд. ист. наук (07.00.03); Владивосток: ДВФУ, 2010. С. 22.
37. *На Сэ Чжин, Ким Гю Тхэк.* Хангугин чхиаый чхэчжиллилюхакчок ёнгу: [Антропологическое исследование зубов корейцев] // Тэханчхигвайсайсахёпхвечжи: [Журнал Корейской ассоциации стоматологов]. Сеул. 1961. № 3. С. 1–29.
38. *На Сэ Чжин.* Хангуминчжокый чхэчжиллилюхакчок ёнгу: [Антропологическое исследование корейской нации] // Хангукмунхвасадэге: минчжок, куккаса: [Большой сборник по истории корейской культуры: история народа и государства]. Сеул: Корётэхаккё минчжокмунхваёнгувон, 1964. С. 209.
39. Там же. С. 90.
40. Там же. С. 91.

41. Там же. С. 92.
42. Там же. С. 209.
43. «Самгук саги», или «Исторические записи Трёх государств» (1145 г.) — средневековый корейский письменный памятник, составленный под руководством Ким Бу Сика.
44. *Ким Вон Рён*. Самгуксидэый кэсиэ кванхан илгочхаль: [Рассмотрение навалного этапа периода Трёх государств] // Тонамунхва: [Культура Восточной Азии]. Сеул. 1967. № 7. С. 1–33.
45. *Ким Вон Рён*. Хангукмунхваый кокохакчок ёнгу: [Археологическое исследование корейской культуры] // Хангукмунхвасадэге: минчжок, куккаса: [Большой сборник по истории корейской культуры: история народа и государства]. Сеул: Корётэхаеккё минчжокмунхваёнгуон, 1964. С. 240–242.
46. Там же. С. 244–247.
47. Там же. С. 247.
48. Там же. С. 256–257.
49. Там же. С. 264.
50. Там же. С. 265–268.
51. Там же. С. 269.
52. Там же. С. 280.
53. *Ли Ги Мун*. Хангуго хёнсонса: [История формирования корейского языка] // Хангукмунхвасадэге: оно, мунхакса: [Большой сборник по истории корейской культуры: история языка и литературы]. Сеул: Корётэхаеккё минчжокмунхваёнгуон, 1967. С. 25–112.
54. *Ким Чон Хак*. Хангукмичжок хёнсонса: [История формирования корейского народа] // Хангукмунхвасадэге: минчжок, куккаса: [Большой сборник по истории корейской культуры: история народа и государства]. Сеул: Корётэхаеккё минчжокмунхваёнгуон, 1964. С. 324.
55. Там же. С. 323.
56. Там же. С. 327.
57. Там же. С. 353.
58. Там же. С. 327.
59. Там же. С. 334–339.
60. Там же. С. 347–350.
61. Там же. С. 351.
62. Там же. С. 332–334.
63. Там же. С. 354.
64. Там же.
65. Там же. С. 346–347.
66. Там же. С. 427–429.
67. Там же. С. 358–370.
68. Там же. С. 426–429.
69. Там же. С. 412.
70. Там же. С. 411–421.